

РАЗВИТИЕ МИКРОИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ ШКОЛЫ

Е. Е. Кононова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kononowva@mail.ru*

Делается попытка систематизации интернациональных микроисторических школ и их основных идей и концепций. Отдельное внимание уделяется генезису микроистории как метода и научного направления. Определяются предпосылки и условия возникновения в настоящее время уже ставшего традиционным подхода к изучению истории.

Ключевые слова: микроистория; историография; школа «Анналов»; микромасштаб; Alltagsgeschichte; методология; «казус».

DEVELOPMENT OF MICROHISTORY: THE MAIN SCHOOLS

E. E. Kononova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kononowva@mail.ru*

The article attempts to systematize international microhistory schools and their main ideas and concepts. Special attention is paid to the genesis of microhistory as a method and scientific field. The article identifies the prerequisites and conditions for the emergence of the now-traditional approach to the study of history.

Keywords: microhistory; historiography; Annales school; microscale; Alltagsgeschichte; methodology; “casus”.

Актуальность обращения к микроисторическому дискурсу диктуется необходимостью реконструкции истории через призму «маленького» человека, который является полноправным актором исторических процессов. Изучение трагедий, трудностей, с которыми столкнулись «рядовые» люди, их повседневной жизни позволяет дополнить глобальные нарративы, а также представить совершенно иную картину прошлого. По мнению венгерского микроисторика И. Сиярто, «в мире, где существует так много равноправных истин, рассказывать еще одну не имеет большого значения. Возможно, гораздо более перспективно попытаться приблизиться к реальности» [17, с. 210].

Обращение к микроистории в 70-х гг. XX в. стало реакцией на господство традиционной для французской школы «Анналов» концепции тотальной истории, а также на кризис социальной истории, недоверие к которой начали высказывать представители социально-гуманитарных наук. Причина кризиса заключалась во все более активно происходящем процессе ограничения поля изучения отдельных исследовательских сфер, на фоне которого предметное поле исторической науки считалось общим и открытым для исследований различной направленности. Как отмечал итальянский

историк Э. Гренди, «господствующая социальная история, которая группирует свои данные при помощи категорий, позволяющих соединить как можно большее их количество... упускает из виду все, что относится к поступкам людей и к их социальному опыту» [11]. Ставшие впоследствии основателями микроисторической школы итальянские историки решили создать новую версию социальной истории, изучая социальную жизнь через «нить частной судьбы». Необходимо отметить, что становление нового научного направления происходило в условиях распространения в гуманитарных науках постмодернизма, наиболее типичной тенденцией которого выступил перенос внимания с целого на фрагменты. Нидерландский историк Ф. Р. Анкерсмит отмечал, что смысл этих фрагментов ищут в том, «каким образом их конфигурация может быть приспособлена к формам цивилизации, существующим сегодня» [4, с. 310–311].

Основателями микроистории как самостоятельного научного направления стали итальянские историки, предпринявшие попытку изменить привычные масштаб и ракурс исторических исследований. Объединенные общей задачей и комплексом определенных идей и вопросов, они создали журнал «*Quaderni storici*», а затем и книжную серию «*Microstorie*». Если в глобальной истории ракурс был направлен на политику, общество, культуру, их взаимоотношения, для нового подхода фундаментальными стали роль конкретных индивидов в историческом процессе, их повседневная жизнь, благодаря чему масштаб исследования сократился до ничем не примечательных членов общества и простых обывателей. Смысл такого решительного изменения дискурса итальянские микроисторики видели в реконструкции исторической реальности через изучение индивидуальных стратегий ее представителей.

Первым образцом микроисторического подхода к исследованию принято считать труд итальянского историка К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке». Основываясь на протоколах инквизиции, автор исследования воспроизводит феномен Меноккио как воплощение идеи «нормального исключения»: с одной стороны, Меноккио — обычный мельник, с другой стороны — философ-примитивист, что не характерно для социального слоя, к которому он принадлежит [7, с. 10]. Эта идея акцентирует важность обращения к отдельным объектам, «выделяющимся из толпы», и обосновывает их значимость в истории, поскольку именно изучение аномалий может содержать в себе «наиболее богатые результаты» [6, с. 311–312]. Исследование К. Гинзбурга «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» [5] ввело в научный оборот так называемый метод «улик». Его автор апеллировал к методу Морелли, подразумевавшему необходимость обращать внимание на второстепенные

детали великих картин с целью отличать их подлинники от копий. На основании этого ядром уликовой парадигмы К. Гинзбург называет следующую идею: «Даже если реальность и непрозрачна, существуют привилегированные участки — приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [5, с. 224–225]. То есть такой подход позволяет исследователям с помощью мелких, непримечательных частей, деталей, фактов создать целостную картину исторических процессов.

Реконструировать историческую реальность через применение социального опыта поставил задачей итальянский историк Дж. Леви в работе «Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века» [15], который в целях концептуализации программных установок микроистории представил в статье «On Microhistory» [16] общую характеристику зарождающегося направления. Дж. Леви указал на то, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [10, с. 193], что предполагает подробное изучение отдельных человека, деревни, социальной группы для включения его результата в макроисторический контекст. Однако такой тезис встретил критику итальянского историка Ф. Вентури, поскольку «изучать деревенские хроники... совершенно бессмысленно» [16, с. 96]. Дж. Леви, стремясь доказать правоту своего утверждения, перефразировал американского антрополога К. Гирца: «Историки не изучают деревни, они изучают в деревнях» [16, с. 96].

В середине 1980-х гг. определяются два направления в сообществе итальянских микроисториков, условно разделившихся по двум критериям: по отношению к контекстуализации исторических объектов и относительно взаимодействия масштабов исследования. Представители первого, социального, направления, Э. Гренди и Дж. Леви, выступали за социальную контекстуализацию исторических объектов и настаивали на применении микромасштаба. К. Гинзбург, которого относят ко второму, культурному, направлению, вписывал изучаемые явления в культурные контексты и основывался на взаимодействии «больших и меньших масштабов», поскольку любой анализируемый объект «состоит из хронологий разной глубины» [13, с. 19].

Во франко- и англоязычных историографиях микроисторический подход хотя и не получил своей институционализации, однако стал широко применяться в качестве нового метода к пониманию и анализу явлений и событий глобальной истории.

Так, во французской исторической школе «Анналов» в конце 1970-х гг. произошел пересмотр господствовавших подходов к изучению прошлого, одним из итогов которого стало понимание общества как продукта взаимодействия участников общественного процесса, тогда как ранее общество

понималось как совокупность «структур большой длительности» [2, с. 15]. К микроисторическому дискурсу обратился французский историк Э. Ле Руа Ладюри в работе «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)», который в целях наиболее полного понимания французского крестьянского общества обратился к самому простому и базовому, к повседневной жизни деревни [8, с. 37].

В начале 1970-х гг. к микроисторической методологии обратились англоязычные историки — Э. Хобсбаум и Э. П. Томпсон, подчеркнувшие важность изучения исключительных событий и явлений, способных выявлять скрытые структуры. Такие социальные явления, как бандитизм, крестьянские революционные движения, бунты, зачастую остаются за пределами научного интереса, однако, по мнению Э. Хобсбаума, их следует рассматривать в качестве явлений общей важности, а не как «сносок к истории» [14, с. 10]. Британский историк Э. П. Томпсон в труде «Виги и охотники: происхождение закона о чернокожих» [18] реконструировал английское общество через взгляд «снизу», то есть через опыт простых лесничих. Н. Земон Дэвис, американско-канадский историк, в целях проверки устоявшихся обобщений относительно взаимодействия французского общества обратилась к микромасштабному анализу в сборнике эссе «Общество и культура в ранней Современной Франции» [20, с. 15].

В середине 1970-х гг. немецкие историки А. Людтке и Х. Медик указали на необходимость восприятия повседневной жизни «снизу», «глазами маленького человека» [9, с. 10–11], что положило начало становлению микроисторической по характеру научной концепции «Alltagsgeschichte» («повседневная история»). Возникшая изначально в качестве общественного движения, инициированного простыми немецкими гражданами, концепция выступала против господствовавшей в это время в Германии историографической традиции и преследовала цель переосмыслить историю нацизма. В то время как итальянские историки стремились применять «микроскоп» в процессе анализа определенных явлений для более полного объяснения глобальной истории, немецкая «школа» повседневности видела своей основной целью воспроизведение обыденной жизни непримечательных людей [19]. В процессе решения проблемы взаимодействия микро- и макрообъектов представители немецкого научного микроисторического сообщества пришли к следующим выводам. Ю. Шлюбойм и П. Кридте подчеркивали взаимосвязь, которая возникла по причине вовлечения человека в определенное локальное сообщество, между микрообъектами и их социальным контекстом. Х. Медик утверждал, что изучение человека само собой предполагает выявление его социальных связей, а А. Людтке объяснял, что любой исследователь, изучающий индивида, способен воспроизвести не только его собственный мир, но и его связи

с социальным сообществом. Так, при изучении социальной практики отдельных индивидов выявляются невидимые извне социальные структуры, которые характеризуют взаимодействие индивида и его социальной среды [2, с. 12–13].

В конце 1980-х гг. расширились контакты российских историков с зарубежным научным микроисторическим сообществом, благодаря чему в России заговорили о новом научном подходе. Новое направление привлекло внимание, по словам историка-медиевиста М. А. Бойцова, своим интересом к рядовому человеку, противостоящему общепринятым нормам и установкам [3, с. 115]. Институционализацией микроистории послужило основание российским историком Ю. Л. Бессмертным альманаха «Казус» в 1996 г. и Центра «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории Российской академии наук» в 1995 г. В статье «Что за казус?» [2] он обосновал казуальный подход к истории, в центре которого находится «казус», то есть частный, индивидуальный случай. Необходимо отметить, что советский и российский историк М. М. Кром назвал данный подход «эпизодической микроисторией», поскольку большинство опубликованных в этом альманахе исследований являются «историческими миниатюрами», а не микроисторией [1, с. 26], а также имеют мало общего с работами их зарубежных коллег, «которые и принесли известность данному историографическому направлению» [12, с. 22–23], так как их авторы не поднимают крупных проблем. Однако российские историки Е. В. Акельев и М. Б. Велижев апеллировали к тому, что эти казуальные статьи не представляется возможным рассматривать «вне контекста той исследовательской программы, в рамках которой они были выполнены» [1, с. 26]. Так, микроисторические веяния западной историографии стали широко использоваться в России и получили название «казуального подхода». Особенностью российской микроистории стало ее развитие по направлению от теоретических наработок зарубежных представителей данного подхода к практическому воплощению в исследованиях.

Таким образом, возникший в 70-е гг. XX в. микроисторический подход к исследованиям характеризуется разнообразием как в теоретическом базисе, так и в практическом их воплощении различными международными микроисторическими школами. Однако главный постулат исследователей, следовавших данному направлению, заключался в помещении небольшой единицы исследования в широкий контекст. Благодаря своему вниманию к «маленькому» человеку и его жизненному миру представители к настоящему времени уже ставшего одним из традиционных подходов к изучению истории выдвинули рядового человека с его проблемами и заботами на передний план исторического универсума.

Библиографические ссылки

1. *Акельев Е. В., Велижев М. Б.* И снова «Казус»? // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 18–27.
2. *Бессмертный Ю. Л.* Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. С. 7–24.
3. *Бойцов М. А.* Притихшая микроистория // Новое литературное обозрение. 2019. № 160. С. 113–121.
4. *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история: сб. ст., послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 287–320.
5. *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история: сб. ст., послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.
6. *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
7. *Кошелева О. Е.* «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 7–17.
8. *Леруа Ладюри Э.* Монтаю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2001. 541 с.
9. *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
10. *Медик Х.* Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 4. С. 193–202.
11. *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. 1996.
12. *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетея, 2003. С. 7–26.
13. *Cerutti S.* Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. P. 17–40.
14. *Hobsbawm E. J.* Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries. New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. 208 p.
15. *Levi G.* Inheriting power. The story of an exorcist. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. 209 p.
16. *Levi G.* On Microhistory // New Perspective on Historical Writing. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. P. 93–113.
17. *Szijártó I.* Four arguments for microhistory // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2002. Vol. 6, № 2. P. 209–215.
18. *Thompson E. P.* Whigs and Hunters: the origin of the black act. London: Penguin Books, 1977. 328 p.
19. *Trivellato F.* Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? // California Italian Studies. 2011. Vol. 2, № 1.
20. *Zemon Davis N.* Society and culture in early modern France. Stanford, California: Stanford University Press, 1975. 362 p.